

«Татуировки. Не узнаешь, что ли?»

Он сощурился на ее покрытые чернилами предплечья. — Скитальские татуировки. Она что, мятежный маг? — Да не просто мятежный маг, придурок, — прошипела Синдра. — Не слышал байки? Предостережения? Это тебе не просто бандитка.

Она злобно ткнула в женщину пальцем.

— Это Сэл Какофония.

И его спину продрало морозом покрепче зимнего.

Он слышал. Все, кто хоть раз понадеялся помочь людям Шрама, слышал о Сэл Какофонии. О женщине, что разгуливает по Шраму и сеет лишь горе и разруху. О женщине, что убила больше людей, оставила больше вдов и уничтожила больше городов, чем самый яростный зверь или жесточайший злодей. О женщине, что расписывает Шрам кровью своих врагов — скитальцев, имперцев, революционеров...

Сэл Какофония, как говаривали, стремилась убить по одному экземпляру всего, что ходило, ползало или летало по этой безнадежной земле.

И, может, так и есть. Может, все это правда. Может, она даже творила и что похуже, чем пересказывали в байках.

*Всякому читателю,
кого все еще тревожат
шрамы.*

ТЕМ, КТО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ШРАМ...

Вы, пожалуй, слышали байки о Сэл Какофонии. Владелице магического револьвера, несущего гибель, разрушительнице Последнесвета, мстительнице Старковой Блажи, убийце Враки по прозвищу Врата, и той, кто оставляет позади лишь пепел.

С другой стороны, может, и не слышали. Или просто не помните. Не буду катить бочку.

Ну, потерпите малость. Я большую часть того времени не то чтобы отличалась трезвостью.

Все началось, когда меня «поймала» некая воен-губернатор Третта Суровая, гром-баба на службе Славной Революции Кулака и Пламени — людей, которые заявлялись с мощными пушками, всех убивали и убивались обратно. От имени этих самых людей с мощными пушками она очень интересовалась, какая же цепочка событий привела к тому, что я учинила в Шраме такой разгром, и — подозреваю, гораздо важнее — что стряслось с ее солдатом, которого она вознамерилась спасти.

Я охотилась на неких нехороших людей; времени вдаваться во все причины, по которым они заслуживали смерти, у нас нет, но поверьте — заслуживали. Каждый — скиталец, предавший клятву Империи (как Революция, только вместо мощных пушек — мощная магия и, ах да, они хотят друг друга уничтожить) в стремлении привести его к краху, и предводителем их был изувер Враки Врата.

Погоня привела меня на порог бывшей пассив, Лиетт, у которой хватало причин стать бывшей и более чем хватало причин мне не помогать, но что тут сказать?.. Я, видеть, само очарование.

Вдвоем мы проследовали за теми людьми в город под названием Старкова Блажь, где обнаружили — после того, как едва избежали зверского убийства, которое над нами стремились учинить отбитые фанатики Обители — лишь то, что они призвали жуткое чудовище, известное как Скрат, которое шустро удрало из-под их власти. В попытке призвать нового и дать ему подходящего носителя, они увели детей Старковой Блажи, и я вознамерилась их убить.

Ну, э-э, тех. Не детей. Детей я спасла.

Из-за чего, в свою очередь, наши пути пересеклись с Кэвриком Гордым — солдатом Революции, будущей жертвой похищения и объектом допроса Третты Суровой. После того, как мы «одолжили» средство передвижения Кэврика и его самого — да-да, красть людей плохо, но я спешила, а рулить этой, мать ее, штуковиной не умею, — след привел нас к «Усталой матери», барже, что служит плавучей крепостью Пеплоустам, крупнейшему преступному синдикату Шрама.

Выяснилось — после будоражающей схватки, — что Враки увел детей в место великой силы: Плевелы, поле битвы, столь пропитанное магией, оставшейся после сражений между Империем и Революцией, что он мог вытянуть дремлющую там энергию, дабы призвать нового Скрата. Мы обнаружили Бессонную, крепость Революции, которую полностью уничтожило имперское Дарование по имени Алое Облако — маг, не нуждающийся в Мене.

Что мне прекрасно известно. Потому что Алое Облако — это я.

Когда-то была, по крайней мере.

Я открыла Третте свою прежнюю личность прославленной героини Империи, и воен-губернатору хватило любезности не всадить мне пулю в лоб, хотя бы пока я пересказывала, что стряслось.

Враки и я... мы оба когда-то примкнули к Заговору против Короны, стремясь свергнуть Императрицу и ее лишеного магии сына, посадить на их место истинного наследника. Все враз изменилось, когда вдруг стало ясно: замысел включал в себя то, что меня предаст он, друзья, бывший любовник — еще один — Джинду Клинок. Они украли мою магию. Они отняли мою силу. Они бросили меня умирать.

И я жаждала отплатить той же монетой.

Мы с Лиетт... поссорились. Она оставила Бессонную. Я же обнаружила еще больше врагов, которые привели меня и Кэврика в Последнесвет, великий город, который возвел удивительный изобретатель, известный как Два-Одиноких-Старика. Прекрасный, величественный город, триумф алхимии, машиностроения и чарографии, столь грандиозный, что в его стенах не смели сражаться даже Имперум с Революцией.

Если теперь подумать, не стоило, наверное, его разрушать.

Но я разрушила. Чтобы выкурить сообщников Враки. И план сработал. Я проследовала за ними в Собачью Пасть, разоренную крепость, прославившуюся тем, что именно там имперские маги, прознав, что сын Императрицы лишен магии, подняли мятеж и превратились в скитальцев.

Дальше творилось невероятное. Я сразилась с Враки и его последователями, спасла детей Старковой Блажи, сорвала попытку Враки призвать нечеловеческое уродство и едва унесла ноги сама.

Дух захватывало. Невероятно, правда. Эпично, потрясающе. Такое жизнь переворачивает.

Видели бы вы.

Так вот, я сбежала к руинам Последнесвета, едва живая. Благодаря своевременному возвращению Кэврика и Лиетт я сумела убраться дальше, в Нижеград.

Но за мной проследили.

Враки и Джинду, жаждущие отомстить, вернулись и уничтожили город... как и я. Уничтожила город, погубила людей, сотрясла всю местность до основания. Бросила Враки умирать в пыли, а Джинду, человеку, который меня

предал, который держал в ладонях мое сердце и вонзил в него кинжал...

...я дала ему уйти.

Почему — не понимаю. По сей день не понимаю. Как и Лиетт. Она меня оставила. Опять. И я за ней не пошла. Что я сотворила с Последнесветом, с Нижегородом... я не могла сотворить то же самое и с ней.

Надеюсь, у нее все хорошо.

Третта Суrowая, моя тюремщица, выслушав историю до самого конца, уже была готова меня казнить. Однако мне позволило сбежать вмешательство Кэврика — который, представьте себе, в итоге простил меня за свое похищение.

А потом он тоже ушел.

И остался со мной один только тезка. Какофония. Револьвер, что стреляет магией, ярко пылает и временами со мной разговаривает. И пусть Враки с его шавками убиты, их имена — всего лишь семь из списка.

А предало меня — тридцать три.

И вот, в поисках остальных, я отправилась в путь.

И тут-то дело приняло оборот похуже...

1

МАЛОГОРКА

День, когда с небес пролился огонь, начался как и все предыдущие. Мерет привычно проснулся до рассвета, чтобы смолоть травы, которые сушил на прошлой неделе, для tinkтур и мазей, которые настоятся на следующей. Привычно собрал нужные снадобья — бальзам для ожога, который Родик заполучил в кузнице, мазь для больного колена старика Эртона и, как всегда, бутылку виски «Эвонин» на всякий случай, вдруг что приключится, — сложил их в сумку и выдвинулся в путь. Начал обход и заглянул ко всем пациентам, как и обычно за предыдущие три месяца в Малогорке.

Название, думалось Мерету, малость несправедливое. В конце концов, много уже воды утекло с тех пор, как женщина построила лачугу при кургане, который возвела для своего единственного ребенка. Потом довольно много людей сочли это место удобной остановкой на пути в Долину, оно разрослось до размеров городка и заслуживало имя, соответствующее процветающему статусу. Но Мерет не был местным и не считал себя вправе оспаривать название, как бы ни прикипел к поселению.

Да, до размеров Терассуса или даже более внушительных городков Долины ему далеко, да и своих бед хватало, но Малогорка оказалась одним из лучших мест, куда Мерета заносило обучение. Люди приятные, зима относительно мягкая, окружающий лес достаточно густой для дичи, но так, что не станут шнырять твари покрупнее.

Малогорка — место хорошее. И Мерету нравилось думать, что он приносит пользу.

— Етить-колотить, парень, что ж ты в мясники не пошел, тебе ж туда прямая дорога.

С его мнением соглашались не все.

Мерет перевел взгляд с колена Синдры, теперь обернутого свежими вымоченными в обеззараживающем составе бинтами, на ее же лицо, искаженное болью — с глубоким недовольством, которое, как он понадеялся, в достаточной, чтобы выказать всю его усталость от этой шутки, мере увеличили его очки.

— Сама-то, видать, не туда свернула, — сказал он пациентке, которая стала таковой совсем недавно. — Думал, солдат должен быть слеплен из чего покрепче.

— Ну, если бы звали меня Синдра Крепкая — то не вопрос, — прорычала женщина. — А раз уж Великий Генерал счел подходящим поименовать меня Синдра Честная, я любезнейшим образом обращаю твое внимание, что вот эта херня, — она обвела жестом бинты, — болит, блядь.

— Уверяю тебя, болит куда меньше, чем инфекция, которую не пропускает мазь, — отозвался Мерет, накрепко затягивая повязку, и осмелился сверкнуть кривой усмешкой. — И тебя предупреждали, как важно держать сустав чистым, а значит, во имя честности, полагаю, могу сказать «я же говорил»?

Пристальный взгляд Синдры неприятно вперился в Мерета, потом опустился к колену. И, окинув всю длину ноги, помрачнел.

Бинты отмечали место, где кончалась плоть и начинался деревянно-металлический протез, приделанный многие месяцы назад. Синдра перекатила лодыжку, словно не верила, что она настоящая, и маленькие цепочки сигиллов слабо вспыхнули в ответ.

— Магия сраная, — с презрительной усмешкой произнесла она. — До сих пор не уверена, что с одной ногой не лучше.

— А я уверен, что без протеза ты не смогла бы помочь стольким людям, — добавил Мерет. — И чарография, благодаря которой он работает, по сути не магия.

— Я была революционеркой, парень, — все с той же усмешкой заявила Синдра, натягивая на протез штанину. — И знаю, блядь, как сраная магия выглядит.

— А я-то думал, что солдаты Великой Революции Кулака и Пламени столь чисты и непорочны, что с их уст никогда не срываются такие вульгарные выражения.

Лицо Синдры, темнокожее, испещренное морщинами, словно она много старше, чем есть на самом деле, скривилось кислой гримасой. Ну, по крайней мере, оно было под стать остальному телу. Широкие плечи, мощные руки, которые уже давным-давно даже не пыталась скрыть ее старая военная рубаха, крепкие мускулы, сформированные тяжелым трудом, тяжелыми битвами, врагами. Волосы преждевременно обзавелись сединой, кошель — дырами, а сердце — разочарованием. Единственным, что в ней не распадалось на части, был меч на бедре.

Меч оставался острым, как и ее язык. За этим Синдра следила.

— Славная Революция, говнюк ты мелкий, — буркнула она, — и хорошо, что я больше не с ними, верно?

— Верно, — хмыкнул Мерет. — Иначе я не смог бы тебя подлатать.

— Ага, какая ж я, блядь, везучая, — проворчала Синдра. — Не отказалась бы, впрочем, от парочки доз алхимии, как у наших штабных медиков. Уколют — и я б хоть всю ночь дралась.

— Я лишь скромный аптекарь, мэ, — отозвался Мерет. — И пусть травам и перевязкам нужно больше времени, исцеляют они ничуть не хуже.

Синдра вздохнула и, морщась, поднялась на ноги. Протез скрипнул.

— Тебе просто везет, что выбор стоит между тобой и солдатами. А если б между дерзким аптекаришкой, который ни хера лечить не может, и, скажем, Роголобом, который днями не жрал, я соусом обмазалась бы да сама ему пасть раскрыла.

Мерет согласился, но смолчал.

Малогорку, по счастью, миновало большинство сражений между Революцией и ее непримиримым врагом,